

УДК 930.1

А. С. Шапиро

*аспирант кафедри філософії естественнонаучних факультетів
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова*

БУДУЩЕЕ ПРОШЛОГО: ПРАВО НА ИСТОРИЮ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЖЕРТВ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Постановка проблемы. Я.Т. Гросс, расследуя в своей работе «Соседи: история уничтожения еврейского местечка» (2004 г.) историю уничтожения едвабенских евреев в 1941 г., блестяще продемонстрировал на примере современной Польши возможность наличия травм прошлого, для которых не существует преграды «за давностью лет». Так, многочисленные исторические травмы, даже спустя десятилетия после их завершения, не могут быть просто забытыми и безмолвно уйти в прошлое без их «проработки» и проговаривания (Т. Адорно), иначе они остаются кровоточащей раной в памяти практически ушедших поколений и требуют от современников отыскать действенные механизмы их заживления и преодоления. Одним из результатов этого процесса стало изменение в парадигме исторического писания, где история жертв стала не меньше, а иногда даже более важной, чем история героев. Более того, стало ясно, что если кто-то является победителем, то другая сторона – побежденная и страдающая [8]. Также это касалось послевоенной Западной Германии, которая с 1960-х гг. проходила весьма сложный этап травматизации немецкой коллективной идентичности с целью денацификации общества, проработки нацистского прошлого и связанных с ним преступлений против человечности. Этот этап фактически растянулся на три десятилетия. Одним из следствий данной политики памяти явилось исключение из общенационального исторического нарратива памяти о травматических событиях, коснувшихся части немецкого населения в конце Второй мировой войны. И лишь в самом начале 2000-х гг., спустя более полвека, эти ранее табуируемые воспоминания о страданиях и лишениях в конце войны и во время советской оккупации стали переходить из рамок личных воспоминаний в плоскость общественной памяти, вызывая множественные дискуссии и откровенные опасения относительно любого возможного пересмотра прошлого.

Анализ последних исследований и публикаций. На сегодняшний день эта тема остается фактически вне поля зрения украинских и российских исследователей. По-прежнему доминирующим остается детализированное рассмотрение и изучение процесса проработки немецкой вины в 1960–1990-е гг. Ставится вопрос, насколько возможно переложить данный опыт на постсоветские реалии борьбы с тоталитарным прошлым,

который, несомненно, представляет огромную ценность, однако не дает полного представления о происходящей работе памяти в современной Германии. Отдельные аспекты этой проблемы рассматриваются в работах А. Ассман, Н. Фрая, С. Бергера, Е. Хейман и Е. Лезиной. Именно эти труды стали предметом нашего специального изучения.

Целью статьи является освещение современной политики памяти Германии по отношению к воспоминаниям о жертвах немецкого населения в конце Второй мировой войны. Работа не претендует на исчерпывающую полноту изложения данной темы. Объектом нашего изучения будут механизмы, с помощью которых выведенные из официальной памяти травматические события начинают снова входить в общественный дискурс, а также связь этого процесса с официальным историческим нарративом современной Германии. Предметом исследования выступает дискуссия о страданиях мирного немецкого населения в конце Второй мировой войны в историческом нарративе Германии.

Изложение основного материала. Несмотря на все разнообразие подходов в преодолении исторических травм, условно их можно разделить на два главных пути: политические решения и идеологические схемы. Политические решения имеют главной целью сделать невозможным повторение трагедии, отыскивая процедуру, которая будто бы «запечатывает» прошлое (в данном случае речь идет о судебной процедуре, которую разработали сразу же после окончания Второй мировой войны). Идеологический путь преодоления травмы прошлого воплощается преимущественно в выстраивании исторического нарратива: исцеление травмы связано в первую очередь с тем, как мы об этой травме рассказываем.

Весь комплекс послевоенных усилий по преодолению нацистского прошлого был направлен прежде всего на осуждение виновных в преступлениях против человечности. С одной стороны, это осуществлялось через судебные процессы, главными из которых, несомненно, являются Нюрнбергский трибунал и судебный процесс во Франкфурте в 1960-х гг., в ходе которых перед судом предстали эсэсовцы, служившие в Аушвице в 1940–1945 гг. [1]. С другой стороны, нацистское прошлое преодолевалось через этический спор, запущенный К. Ясперсом еще в 1946 г. Позиция К. Ясперса была высказана в работе «Вопрос о ви-

новности. О политической ответственности Германии». К. Ясперс настаивал на признании коллективной вины немецкой нации, которое должно было стать основой общенационального раскаяния за осуществление «окончательного решения еврейского вопроса».

Процесс переживания травмы в немецкой коллективной памяти охватывает три поколения:

1) непосредственные свидетели событий 1939–1945 гг. (рожденные в 1917–1920 гг.), которые предали их забвению и отрицали свою личную причастность к преступлениям национал-социализма [13, с. 22–23]. Й. Рюзен описывает первую послевоенную эпоху как опыт абсолютного поражения, причем не только военного, но и поражения коллективного самоуважения и национального самосознания: «Окончание войны и непосредственно послевоенное время отразились в опыте как радикальный разрыв непрерывности, в котором было необходимо откинуть прошлое, а будущее еще не обрело четких контуров. <...> Эта Катастрофа (в отличие от поражения в Первой мировой войне) была одновременно и глубоким разрывом идентичности. <...> Чтобы снова стать на почву общей принадлежности и обрести способность к деятельности, необходимо было устранить нацистский период, а с ним и Холокост, из той истории, к которой обращались, чтобы построить новую идентичность» [16, с. 277–228]. Вместе с тем это поколение тех, кто воспринимал себя в первую очередь в качестве жертвы и отрицал свою вину, перекладывая ее преимущественно на другого, в роли которого чаще всего выступал фюрер [2, с. 184–187];

2) так называемое «поколение 68 года» – первое поколение рожденных в 1945–1950-х гг. детей, которые выбрали главной чертой своего отношения к родителям отмежевание и требование ответственности за происходившие преступления. Этот процесс наиболее ярко удалось передать Б. Шлинку в своем знаменитом романе «Чтец» («Der Vorleser»), впервые изданном на немецком языке в 1995 г. и переведенном на сегодня на 39 языков. Именно с «поколением 68 года» связаны процесс проработки нацистского прошлого и самовозложенная мемориальная миссия, которая заключалась в сочувствии еврейским жертвам, внимании к их свидетельствам и самоидентификации с их культурой и историей [2, с. 183];

3) «поколение сочувствующих» (термин А. Асман) – те, кто пытался разобраться в прошлом через общественный дискурс (в том числе через обращение к свидетельствам) с целью найти диалог-консенсус, способный примирить существующие позиции и привести к так называемой «диалогической памяти» (рожденные в 1975–1980 гг.). Именно с деятельностью третьего поколения принято связывать эпоху «примирения с про-

шлым», которая сформулировала новую немецкую идентичность через открытость немецкой исторической культуры к ее генеалогической связи с причастностью к нацистским преступлениям немецкого населения [16, с. 237]. При этом наиболее важным событием для определения политики памяти оказывается 1985 г. и публичное выступление президента Федеративной Республики Германия Р. фон Вайцзеккера по случаю 40-летия окончания Второй мировой войны, чем был ознаменован поворот трактовки данной даты с символа поражения и катастрофы к ее восприятию в качестве «символа освобождения» [2, с. 197; 14]. Помимо этого, данное обращение шло вразрез с программой «нормализации» немецкой истории, осуществляемой канцлером Федеративной Республики Германия Г. Коелем и направленной на дальнейшую историзацию национал-социализма.

И лишь спустя более чем полвека после пережитого глубоко травматического опыта происходит новый существенный сдвиг в институциональной политике памяти послевоенного периода. Речь идет о месте памяти о жертвах союзнических бомбардировок, насильственной депортации, а также случаях массовых изнасилований немецких женщин (преимущественно Красной Армией), которые из индивидуальных воспоминаний, хранимых в рамках семейной памяти, начали входить в общественный дискурс в своем стремлении стать частью не только социальной, но и политической и культурной памяти. Как показывает немецкий историк К. Науманн в своей работе «Война как текст. 1945 год в культурной памяти прессы» («Der Krieg als Text. Das Jahr 1945 im kulturellen Gedächtnis der Presse», 1998 г.), первые интенции данного процесса берут свое начало именно в 1995 г. Так, на основе анализа публикаций в более чем 400 ежедневных и еженедельных изданий, связанных с освещением 50-летия таких событий, как освобождение концентрационных лагерей, бомбовая война, национальные окончания войн и, наконец, 8 мая – дата безусловной капитуляции Германии, автор делает вывод, что даже в том случае, когда за текущими спорами между «освобождением» и «поражением» просматриваются глубокие симптомы чувства вины и испытания шока, совершенно очевидно наличие коллективной травмы [29].

Однако по-настоящему переломным оказывается 2002 г., связанный с выходом в свет знаменитой новеллы Г. Грасса «Траектория краба» («Im Krebsgang») [6], которая через описание потопления лайнера «Вильгельм Густлофф» в 1945 г. и связанной с этим смерти около 10 тысяч человек выдвинула на первый план вопрос о жертвах немецкого населения в преддверии окончания войны. Г. Грасс не случайно использует подобную

крабу траекторию «движения назад», что на самом деле является «движением вперед», где через освещение «тем заднего плана» оказывается возможной работа скорби, касающейся жертв среди немецкого населения восточных районов. Несмотря на то, что Г. Грасс затронул достаточно рискованную тему изображения немцев в виде жертв, наиболее важным в этом процессе оказывается тот факт, что данный роман не претендует на смену перспектив, в отличие от известного ревизионистского «спора историков» (Historikerstreit), который проходил в Германии в 1986–1988 гг. и имел свою целью не только историзацию нацистского прошлого, но и пересмотр прошлого с точки зрения оправдания национал-социалистических преступлений как ответной реакции на «азиатскую угрозу сталинизма». Так, например, книга А. Хилльгрубера «Два вида руин: уничтожение Германской империи и конец европейского еврейства» («Zweierlei Untergang: Die Zerschlagung des Deutschen Reiches und das Ende des europäischen Judentums», 1986 г.) отстаивала позицию, что нет никакого различия с моральной точки зрения между преступлениями, совершенными Советским Союзом и нацистским режимом. Также эта позиция прослеживается в дискуссионном эссе «Крушение на Востоке 1944/45» («Der Zusammenbruch im Osten 1944/45»), в котором историк подчеркивал страдания немцев, которые были вынуждены бежать или были изгнаны из восточной Германии, а в случае гражданских лиц описывались случаи убийства или массовых изнасилований Красной Армией. Так, А. Хилльгрубер, который родился и вырос в Восточной Германии, представляет данное событие как «трагедию для всей Европы», которая с точки зрения историка оказывается соразмерной трагедии Холокоста. Отрицая уникальность Холокоста, А. Хилльгрубер включается в «риторику взаимных зачетов» [19]. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в отличие от исторической работы А. Хилльгрубера, роман Г. Грасса «был чужд ресентименту», как указывает на это А. Ассман: «Память, которой они (В. Зебельбад и Г. Грасс) воздают должное, лишена ревизионистской аргументации. Они преследуют не политические, а литературные и психотерапевтические цели, которые состоят в том, чтобы после некоторого периода латентности дать шанс травматическому историческому опыту на осознание и проработку» [2, с. 201].

В свою очередь С. Бергер, опираясь на исследовательскую работу Р. Моэллера «Тонущие корабли, потерянный Heimat и нарушенные табу» [28], опровергает миф о наличии так называемого «белого пятна» в памяти о немецких жертвах в войне. Так, автор указывает: «Улицы почти каждого города были названы в честь «потерянных» регионов и городов на Востоке страны» [22, с. 484]. Так-

же автор перечисляет имена немецких литераторов, журналистов и историков, которые писали о своем опыте спасения от наступающей Красной Армии или были лишены своего дома. Среди таких названы немецкий писатель и историк-архивист В. Кемповский, писательница К. Вольф, драматург и театральный режиссер Х. Мюллер, новеллист и драматург З. Ленц, писатель Д. Форте и другие [22, с. 484].

Однако более острый оттенок дискуссии возникает в политическом контексте. Этот процесс был связан прежде всего с деятельностью общественной организации «Союз изгнанных» (Bund der Vertriebenen, BdV), которая и выступила хранителем этих личных воспоминаний [3]. Так, с ее деятельностью был связан крупномасштабный проект по сбору «устной истории», проводившийся с 1953 г. по 1962 г. под руководством историков В. Конце, Т. Шидера и Х. Ротфельса и поддерживаемый правительством. Результатом этой работы стало издательство «Документации об изгнании немцев из Восточной и Центральной Европы» [2, с. 207], а также организация ряда музеев и образовательных учреждений в 1970-х гг. Очевидный политический подтекст данной политики памяти оставил на периферии общественного внимания проблему насильственных переселений. И даже под активным руководством Э. Штайнбах, которая занимает пост главы «Союза изгнанных» с 1998 г. и которой удалось добиться возведения берлинского «Центра против изгнаний» (Sichtbares Zeichen gegen Flucht und Vertreibung) в 2008 г., позиция данной группы не смогла отвоевать право в написании нового национального нарратива, о чем, в частности, свидетельствует факт отклонения Бундестагом предложения по увековечиванию даты подписания «Хартии изгнанных» (5 августа 1950 г.) в качестве общенациональной памятной даты [2, с. 219–220]. Однако первая выставка «Бегство – Изгнание – Интеграция» («Flucht, Vertreibung, Integration»), открытая в 2006 г. и проходившая в музеях «Дома истории» в Бонне, а также Берлинском и Лейпцигском исторических музеях, приковывала внимание посетителей немецким аспектом вопросов изгнания. Несмотря на это, хронологические рамки выставки весьма обширны: они начинаются с Лозаннского договора 1923 г. и заканчиваются освещением проектов, направленных на примирение современной Германии с Польшей и Чешской Республикой в последнее десятилетие. В целом выставка «Бегство – Изгнание – Интеграция» собрала более тысячи экспонатов, освещающих судьбы 14 миллионов перемещенных лиц: их бегство и изгнание, а после – сложную интеграцию. Также частью выставки являются 15 живых свидетельств, собранных Институтом социологии университета Эрланген-Нюрнберг, и частично собранный элек-

тронний каталог пострадавших лиц с описанием их жизни [7; 20; 30].

Еще одним немаловажным аспектом немецкой памяти оказывается память о массовых бомбардировках Дрездена в феврале 1945 г., которая, помимо личных воспоминаний выживших о пережитых ужасах, отчасти функционировала в культурной памяти послевоенной и современной Германии (знаменитый роман К. Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» 1969 г., роман Г. Ледига «Возмездие» 1956 г., трилогия Д. Форте «Дом на моих плечах» 1999 г., работа К. Райнера Реля «Запрещенная скорбь», а также книга Й. Фридриха «Пожар» 2002 г.), однако ни в период разделения страны, ни после воссоединения не вошла в общенациональный нарратив [2, с. 198–199].

Такие свидетельства, как воспоминания жительницы Дрездена М. Фрейер, на глазах которой буквально все вокруг превращалось в «пылающий ад» (*«Я вижу женщину, она до сих пор у меня перед глазами. В ее руках сверток. Это ребенок. Она бежит, падает, и младенец, описав дугу, исчезает в пламени. Внезапно прямо передо мной возникают двое. Они кричат, машут руками, и вдруг, к ужасу моему, я вижу, как один за другим эти люди падают на землю. Они теряют сознание и превращаются в золу»*) [11], или свидетельство Л. Мецгерца, которому в день бомбардировки исполнилось всего 12 лет и который позднее писал воспоминания о бомбежках (*«Взрывы раздавались один за другим. <...> Охваченные страхом, мы начали пробираться к выходу. <...> Нашу улицу было невозможно узнать. Везде, куда ни помотри, бушевал огонь. Развалины нашего дома горели вовсю. На улицах мимо горящих машин проносились беженцы с тележками, еще какие-то люди, лошади, и все кричали. Каждый боялся умереть. Я видел раненых женщин, детей и стариков, которые пытались выбраться из огня и завалов. <...> Мы ворвались в какой-то подвал, битком набитый ранеными и просто насмерть перепуганными женщинами и детьми. Они стонали, плакали, молились. И тут начался второй налет»*) [9]), освещали тему бомбовой войны с точки зрения немцев, переживших ее в бомбоубежищах под страхом смерти. Все эти воспоминания о переживших страданиях в виде рассказов, автобиографических воспоминаний, записей в дневниках и письмах десятилетиями оставались запечатанными в рамках семейной памяти, не препятствуя процессу проработки нацистского прошлого.

В частности, это отчетливо видно в современном проекте Военно-исторического музея вооруженных сил Германии, который с 1990 г. снова функционировал в Дрездене, а в 2009–2011 гг. был существенно модернизирован американским архитектором Д. Либескиндом [27].

По словам историка строительного дела и архитектурного критика Ф. Егера, несмотря на название музея, здесь «не приходится ожидать восславления военного дела, почитания героев и культа военной техники» [17], ведь именно с верхней точки вмонтированного клина, откуда посетители начинают обход музея, открывается вид на разрушенный и вновь отстроенный вид города. Также эта идея проецируется на макет экспозиций музея, которые отчетливо разделены на две части. В старой части здания в хронологической последовательности и довольно традиционным образом освещены военное ремесло и войны как исторические события, хотя и здесь всегда показаны последствия войн, нивелирующие героический флер военного искусства [17]. В современной же части музея расположены выставки, разделенные на одиннадцать тематических залов, таких как «Война и память», «Политика и насилие», «Военные и общество», «Военные технологии», «Защита и разрушение», «Страдания в войне» и «Вызовы XXI века» [26].

Концепция выставочной части недвусмысленно определяется позицией, согласно которой в прошлом выставочные залы большинства военных музеев в основном служили для демонстрации блестящего представительства национальных вооруженных сил и технологий оружия, но в то же время они проходили в полной изоляции от других исторических событий. Однако, по словам организаторов выставок музея, война неразрывно переплетается с общей историей и обнаруживает влияние в политической и социальной истории, в исследованиях менталитета и культуре. В музее Бундесвера она представлена как раз во всем своем многообразии. Выставки оставляют посетителей один на один с их собственным потенциалом агрессии и насилия как исторического, культурного и антропологического феномена, который в итоге заложен в каждом человеке [21]. Кроме того, в каждом из интерактивных стеллажей в зале «Война и память» есть 16 витрин, в каждой из которых посетителю на выбор представлены противоположные экспонаты двух биографий людей с разными судьбами, ставящие вопросы о том, кто вспоминал, каким образом помнят и что помнят. Это пространственное противопоставление противоположных точек зрения и перспектив может проецироваться также на события. Так, посетители могут сами решить, какой дисплей им будет показан и чьи воспоминания они хотят раскрыть [25].

Анализируя общую концепцию музея, Ф. Егер делает такой вывод: «Возможно, прославление войны уступило место трезвому, историографическому подходу. И в рамках этой тенденции Дрезден оказался на шаг впереди: экспозиция музея освещает проблему войны с точки зрения

жертвы, рассказывает историю культуры насилия и разрушения. Взгляд на вещи изменился, и произошло это именно в Германии, которая научилась критически перерабатывать свое бесславное военное прошлое» [17]. И даже проходящая в настоящий момент выставка-панорама Я. Азизи «Дрезден 1945: трагедия и надежда европейского города» («Dresden 1945: Tragik und Hoffnung einer europäischen Stadt»), которая восстанавливает полномасштабную картину разрушения города утром 15 февраля 1945 г. (масштаб воссозданной панорамы разрушенного города соответствует 1:1 и достигает 27 метров в высоту и 107 метров в длину; она развернута на 360 градусов и дополнена множеством деталей), помещена в исторический контекст [23]. Так, входу к панораме предшествует мультимедийная выставка как введение в период разрушения. Ее начало посвящено красоте «старого Дрездена», затем следует сжато изложенная история о «коричневых временах» в городе. Следующая часть рассказывает о войне с воздуха до 1945 г., и здесь не столько показывается трагедия Дрездена, сколько автор стремится привлечь внимание посетителей на истерзанную войной Европу, где, помимо самого Дрездена, были разрушены Роттердам, Варшава и Сталинград [12].

Более сложным и глубоко табуированным, в силу чего и более тяжелым, был вопрос о массовом изнасиловании немецких женщин солдатами Красной Армии. Число жертв по разным подсчетам колеблется от отметки в несколько десятков тысяч до двух миллионов человек [24]. Однако в начале 2000-х гг. вопрос о насилии над немецкими женщинами стал обсуждаться более открыто в связи с появлением мемуаров советских ветеранов, глубоко обсуждаемой книги британского историка Э. Бивора «Падение Берлина. 1945» [4] и выхода в прокат немецкого художественного фильма «Безымянная – одна женщина в Берлине» («Eine Frau in Berlin», 2008 г.), основанного на дневнике М. Хиллерс, описавшей личный опыт выживания немецкой женщины в Берлине в мае – июне 1945 г. [15]. Особое место в этом списке занимает трехчасовой документальный фильм Х. Зандер «Освободители и освобожденные» («BeFreier und BeFreite», 1992 г.), в котором через серию интервью с несколькими ныне живущими женщинами, врачами и мужчинами-очевидцами автором исследуется вопрос о массовых преступлениях против гражданского населения. Тогда, в 1992 г., это был первый опыт проговаривания травмы, который из-за глубокого чувства стыда никогда не подымался не только в общественном обсуждении, но и в рамках семейной памяти. Х. Зангер впервые задокументировала количество беременностей, аборт, которых, согласно последующему исследованию Э. Бивора, только в одном Берлине в 1945–1946 гг. было проведено около 200 тысяч, внебрачных

детей, которые привели к разрывам семейных отношений и стигматизации этих женщин в итоге. Х. Зангер систематизирует и использует архивные кадры, инсценировки, личные свидетельства, а также закадровый голос, чтобы описать, насколько травматичным был результат военных изнасилований. Также автор четко дает понять, что ее работа является политически мотивированным трудом с целью донесения к сведению международных комитетов свидетельств военных изнасилований, в результате чего ее фильм оказался убедительным доказательством для ООН о внесении в список военных преступлений во время Второй мировой войны случаев массовых изнасилований.

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Таким образом, несмотря на публичное снятие запрета на обсуждение ранее глубоко табуированных тем, касающихся воспоминания и переживания еще не проработанной памяти о страданиях немцев и их весьма широкий отклик в общественном дискурсе, это не имело существенного влияния на институализированную политику памяти, которая по сей день покоится на признании и проработке немецкой вины, а также принятии ответственности за зверства нацистского режима. Также сегодня очевидно, что опасения относительно изображения немцев в виде жертв, которые явно прочитываются в работах историков Й. Рюзена, отчасти призывающего к вторичной травматизации немецкого населения, С. Бергера и Н. Фрая, оказались не столь оправданными.

Как и в случае Испании, в которой в 2002 г. возник краеугольный вопрос об изменении национальной политики памяти и было принято решение, что на индивидуальном уровне каждый гражданин страны имеет право на свой нарратив [10], в современной демократической Германии возможно расширение внутренней национальной памяти за счет включения памяти о страданиях мирного немецкого населения. Так, через деятельность общественных организаций, выставки, мемуары, художественную литературу и кинофильмы это становится возможным на уровне социальной и культурной памяти, однако в то же время находится за пределами политической памяти.

Именно данный опыт вторичного примирения и включения в общественный дискурс выведенных травматических воспоминаний оказывается чрезвычайно перспективным для дальнейшего исследования их применения в реалиях современной Украины и России с ее конфликтными местами свидетельских воспоминаний таких трагедий XX века, как Голодомор и ГУЛАГ.

Литература

1. Арндт Х. Освенцим на суде / Х. Арндт // Арндт Х. Ответственность и суждение / Х. Арндт ; пер. с англ. Д. Андерсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2013. – С. 296–329.

2. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
3. Ассман А. Рефреймируя память: между индивидуальными и коллективными формами конструирования прошлого / А. Ассман ; пер. с англ. П. Дячкиной [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gifter.ru/archive/11839>.
4. Бивор Э. Падение Берлина, 1945 / Э. Бивор ; пер. с англ. Ю. Михайлова. – М. : ООО «Издательство АСТ» ; ООО «Транзиткнига», 2004. – 622 с.
5. Войхонский В. Дни скорби в Германии: немного света рассеет большую тьму / В. Войхонский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruskoeполе.de/de/rubriki/istoriya/194-stati-istoriya/1522-naroddenskorbi.html>.
6. Грасс Г. Траектория краба : [роман] / Г. Грасс ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Иностранная литература, 2002. – 288 с.
7. История изгнания, или Право на сочувствие [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dw.de/p/7Zvh>.
8. Нестерович С. Ирина Старовойт про українські війни пам'ятей / С. Нестерович [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zbruc.eu/node/17973>.
9. Кантор Ю. Пепел на Эльбе / Ю. Кантор [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.vremya.ru/2009/26/13/223133.html>.
10. Капдепон У. Историческая память и диктатура Франко: общественная дискуссия в современной Испании / У. Капдепон ; пер. с нем. А. Юркевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://urokiistorii.ru/history/soc/52128>.
11. Кирстен П. Бомбардировка Дрездена – воспоминания об аде / П. Кирстен ; пер. с нем. Н. Пятницкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.world-war.ru/bombardirovka-drezdena-vozpominaniya-ob-ade>.
12. Колягина Н. Дрезден 70 лет назад: полномасштабная панорама / Н. Колягина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://urokiistorii.ru/node/52419>.
13. Лезина Е. Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ) / Е. Лезина // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. – 2011. – № 3(109). – С. 18–37. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/25/1259001652/Pages%20from%20vom3\(2\)-5.pdf](http://ecsocman.hse.ru/data/2012/06/25/1259001652/Pages%20from%20vom3(2)-5.pdf).
14. Лезина Е. Память, идентичность, политическая культура и послевоенная германская демократия / Е. Лезина // Отечественные записки. – 2013. – № 6(57). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.strana-oz.ru/2013/6/pamyat-identichnost-politicheskaya-kultura-i-poslevoennaya-germanskaya-demokratiya>.
15. Насилие в отношении мирного населения Германии в конце Второй мировой войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://goo.gl/TzTdRW>.
16. Рюзен Й. Нові шляхи історичного мислення / Й. Рюзен ; пер. з нім. В. Кам'янець. – Львів : Літопис, 2010. – 358 с.
17. Фальк Е. «Очень немецкий проект» – Военно-исторический музей бундсвера в Дрездене / Е. Фальк. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.goethe.de/ins/ru/lp/kul/dur/eri/ver/ru8472291.htm>.
18. Фрай Н. Преодоленное ли прошлое? Третий Рейх в современном немецком сознании / Н. Фрай // Ab Imperio. – 2004. – № 4. – С. 21–40.
19. Hillgruber A. Zweierlei Untergang / A. Hillgruber [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://en.wikipedia.org/wiki/Andreas_Hillgruber#Zweierlei_Untergang.
20. Ausstellungen. Flucht, Vertreibung, Integration / Deutsches Historisches Museum Berlin [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dhm.de/archiv/ausstellungen/flucht-vertreibung/gliederung.html>.
21. Ausstellungen / Militärhistorisches Museum der Bundeswehr [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mhmbw.de/ausstellungen>.
22. Berger S. Quo Vadis Germany? National identity debates after reunification / S. Berger // Ab Imperio. – 2004. – № 2. – P. 449–486.
23. Dresden im Jahr 1945 als 360°-Panorama [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.asisi.de/panoramas/dresden-1945/photo-gallery.html>.
24. Heineman E. The Hour of the Woman: Memories of Germany's "Crisis Years" and West German National Identity / E. Heineman // The American Historical Review. – 1996. – Vol. 101. – № 2. – P. 354–395.
25. Krieg und Gedächtnis / Militärhistorisches Museum der Bundeswehr [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mhmbw.de/themenparcours/krieg-und-gedaechtnis>.
26. Themenparcours / Militärhistorisches Museum der Bundeswehr [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mhmbw.de/themenparcours>.
27. Military History Museum [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://daniel-libeskind.com/projects/military-history-museum>.
28. Moeller R.G. Sinking Ships, the Lost Heimat and Broken Taboos: Günter Grass and the Politics of Memory in Contemporary Germany / R.G. Moeller // Contemporary European History. – 2003. – Vol. 12. – № 2. – P. 147–181.
29. Naumann K. Der Krieg als Text. Das Jahr 1945 im kulturellen Gedächtnis der Presse / K. Naumann. – Hamburg : Hamburger Edition, 1998. – 352 p.
30. Presseinformation "Flucht, Vertreibung, Integration" in Leipzig [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.hdg.de/leipzig/presse/news-details/presseinformation-flucht-vertreibung-integration-in-leipzig>.

Аннотация

Шаниро А. С. Будущее прошлого: право на историю с точки зрения жертв в современной Германии. – Статья.

В статье освещается проблема возможности включения в современный немецкий исторический нарратив памяти о жертвах союзнических бомбардировок, насильственных депортаций, а также ситуации массового изнасилования немецких женщин преимущественно Красной Армией. Существовавшая на уровне индивидуальной памяти и в первое послевоенное время занесенная в архив память о данных травмирующих событиях лишь в начале XXI века начинает входить в социальную и культурную память о прошлом. Исследуя общественную дискуссию, касающуюся перспектив дальнейшей институализации данных жертвенных свидетельств, которая нашла свое отражение главным образом в музейных выставках, литературных произведениях и художественных фильмах, автор приходит к выводу, что, несмотря на тот факт, что данные воспоминания не конфликтуют и не вызывают реваншистских настроений в немецком обществе, на данном этапе общественной дискуссии они не могут быть включены в общенациональный исторический нарратив.

Ключевые слова: преодоление прошлого, денацификация, историческая травма, политика памяти, историзация.

Анотація

Shapiro G. S. Майбутнє минулого: право на історію з точки зору жертв у сучасній Німеччині. – Стаття.

У статті розкривається проблема можливості включення в сучасний німецький історичний наратив пам'яті про жертв союзницьких бомбардувань, насильницьких депортацій, а також ситуації масового зґвалтування німецьких жінок переважно Червоною Армією. Наявна на рівні індивідуальної пам'яті та в перші повоєнні роки занесена в архів пам'ять про ці події, що травмують, лише на початку XXI століття починає входити в соціальну й культурну пам'ять про минуле. Досліджуючи суспільну дискусію, що стосується перспектив подальшої інституалізації цих жертвоних свідчень, яка знайшла своє відображення переважно в музейних виставках, літературних творах і художніх фільмах, автор доходить висновку, що, незважаючи на той факт, що ці спогади не конфліктують і не викликають реваншистських настроїв у німецькому суспільстві, нині вони не можуть бути включені в загальнонаціональний історичний наратив.

Ключові слова: подолання минулого, денацифікація, історична травма, політика пам'яті, історизація.

Summary

Shapiro H. S. The future of the past: the right to the story from the perspective of victims in modern Germany. – Article.

The article highlights the problem of the possibility of inclusion in modern German historical narrative of memory of the victims of Allied bombing, forced deportations, as well as the situation of mass rape of German women predominantly by the Red Army. Existed at the level of individual memory and the first post-war period put in the archive, only at the beginning of the XXI century the memory of these traumatic events begins to enter the social and cultural memory of the past. Exploring the public debate concerning the prospects of further institutionalization of these sacrificial evidence, which is mainly reflected in museum exhibitions, literary works and feature films, the author concludes that despite the fact that these memories do not conflict and do not cause revanchist German society, but at this stage of public discussion, they can not be included in the national historical narrative.

Key words: working through the past, denazification, historical trauma, politics of memory, historization.